

A woman with her back to the camera, wearing a vibrant red traditional Chinese qipao with a long black braid and a red hair ornament. She stands in a narrow, dark alleyway between traditional wooden buildings. Two large, glowing orange paper lanterns hang from the eaves on either side. The lantern on the right has the Chinese character '福' (Fú) written on it. In the background, a doorway is visible, and a vertical wooden sign with calligraphy hangs on the left wall. The scene is dimly lit, with the primary light source being the lanterns.

Костя Пластилинов

Тень куклы в алую ночь

18+

Костя Пластилинов

Тень куклы в алую ночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73100853

SelfPub; 2026

Аннотация

В современном Токио курьер Рэн получает зловещий заказ – доставить запечатанную коробку с алой куклой в старый особняк. Нарушив запрет не смотреть в её глаза, он запускает древнее проклятие: на его теле появляются несмываемые алые пятна, а по ночам тень куклы отделяется от стен и ползёт к нему.

Чтобы спастись, Рэн должен разгадать тайну духа девочки О-Ханы, запертого в кукле ещё в XIX веке. Он погружается в мир синтоистских обрядов, заброшенных храмов и призрачных отражений.

Содержание

Глава 1. Особый заказ	4
Глава 2. Красные нити	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Костя Пластилинов

Тень куклы в алую ночь

Глава 1. Особый заказ

(20 октября, вечер)

Рабочий день подходил к концу. Рэн методично сверял номера отправлений, отмечал выполненные заказы и думал о том, что завтра наконец-то сможет выспаться. «Токио Экспресс» не славился щадящим графиком, но Рэн привык: рутина успокаивала, а чёткие инструкции давали ощущение контроля над хаосом мегаполиса.

Правда, в последние дни что-то шло не так.

Сначала – мелкие несостыковки: посылки прибывали не в те филиалы, адреса на накладных менялись сами собой (он даже перепроверял – нет, это не опечатки). Потом – странные звонки. Не от клиентов, а просто... звонки. Без голоса, без гудков, только тихое шипение, будто кто-то дышал в трубку.

Диспетчер отмахивался: «Сети барахлят, осень же». Но

Рэн знал: дело не в сетях. Сегодня всё было как обычно – до момента, когда он закрыл ноутбук. До момента, когда телефон издал этот звук...

Не звонок. Не сигнал. А будто стон.

Рэн медленно положил трубку. Станный стон ещё звенел в ушах, оседая где-то между висками колючей тишиной. Он уставился на телефон – аппарат безмолвствовал, будто и не издавал только что звука, похожего на предсмертный вздох.

«Потом разберусь», – повторил он про себя, заставляя пальцы разжаться. Экран ноутбука погас, оставив на пластике тусклый отблеск уличных огней. Рэн поднялся из-за стола, выключил лампу и направился к выходу. Шаги отдавались глухим эхом в опустевшем офисе – коллеги давно разошлись, и только редкие лампы над пустыми столами напоминали о дневной суете.

В холле он невольно замедлил шаг. Перед ним – большое зеркало в простой металлической раме, отражающее половину этажа. Рэн остановился, не дойдя пары метров. В груди всё ещё пульсировало то самое чувство – не страх, а его предвестник, холодный и липкий, как утренний туман над рекой.

Он сделал глубокий вдох, затем ещё один. «Просто сети, – прошептал он, глядя на своё отражение.

– Просто сети. Осень. Перегрузки. Ничего больше».

Но что-то было не так. В отражении мелькнуло движение – будто тень скользнула за его спиной. Рэн резко обернулся. Пусто. Только мигающая лампа над дальней стойкой отбрасывала рваные тени на пол.

Рэн задержался у зеркала, прежде чем выйти за новым заказом. Просто привычка – бросить взгляд, убедиться, что всё в порядке.

Зеркало отразило мужчину средних лет: не красавец, не урод – просто человек, которого легко не заметить в толпе. Тёмные волосы аккуратно уложены, чёлка слегка касается брови. Ни единой выбившейся пряди – утром потратил лишние пять минут, чтобы уложить их как надо.

Он придирчиво осмотрел рубашку. Белый хлопок, идеально выглаженный, но уже чуть помялся у воротника – день выдался длинным. Поправил манжету, проверяя часы: простой чёрный циферблат, стальной корпус. Время – 17:47. Пора уходить, клиент уже наверняка заждался.

Взгляд скользнул по отражению ещё раз. Тёмно-карие глаза за смотрели устало, но цепко. В уголках – тонкие лучики морщин, следы бессонных ночей и привычки всматриваться в детали. Нос прямой, губы плотно сжаты – так всегда, когда

он погружён в мысли.

«Обычный», – подумал Рэн. – «Совершенно обычный».

Именно это ему и нравилось. В Токио, где каждый второй стремится выделиться, быть незаметным – почти искусство. Его одежда – тёмные брюки, светлая рубашка – сливалась с тысячами таких же силуэтов в вечернем потоке людей. Ни ярких цветов, ни броских аксессуаров. Только часы. Только аккуратная стрижка. Только сдержанные движения.

Он провёл рукой по лицу, стирая следы усталости. Где-то в глубине сознания шевельнулось: «А если бы я выглядел иначе?..» Но мысль тут же растворилась. Иной облик – иные проблемы. А ему хватало и тех, что были.

Рэн отвернулся от зеркала. За его спиной уже гасли офисные лампы, погружая пространство в мягкий полумрак. Он шагнул к выходу, растворяясь в синеве октябрьского вечера – ещё один человек в бесконечном потоке токийской ночи.

Офис «Токио Экспресс» в Маруноути жил своей тихой, размеренной жизнью – словно механизм, отлаженный до мельчайших шестерёнок, но уже тронутый налётом времени.

Здание не бросалось в глаза среди стеклянных гигантов делового района: сдержанный фасад из тёмно-серого бетона с редкими прожилками металла напоминал шкуру древнего зверя, привыкшего к городской суете. Над входом – лако-

ничная вывеска: белые иероглифы на чёрном фоне, без мигающих огней, без кричащей рекламы. Токио Экспресс. Как печать: не яркая, но весомая.

Внутри пространство распадалось на зоны прозрачными перегородками. Днём здесь стоял гул: стук клавиш сливался с переключкой диспетчеров, а воздух дрожал от шёпота бумаг. Сейчас, в сгущающихся сумерках, офис тонул в полумраке. Лишь редкие лампы роняли жёлтый свет, и от этого полированные поверхности будто плавилась, теряя чёткие очертания.

Длинные столы из тёмного дерева с металлическими ножками стояли ровными рядами. На каждом – ноутбук, телефон, стопка накладных. Всё строго, без личных вещей. Даже кружки для кофе – одинаковые, серые, будто выстроенные в строй. На стенах – панели под матовое стекло, а на них прежде мерцали цифровые табло с маршрутами. Теперь экраны погасли, оставив лишь призрачные блики, будто следы ушедшего дня.

Потолок скрывала решётка вентиляционных решёток и встроенных светильников. Где-то одна лампа мигала, не решаясь окончательно погаснуть. Пол – гладкий, тёмно-коричневый ламинат с едва заметным узором – впитывал последние отблески света, а в углах уже сгущалась тень, будто провалы в иное измерение.

В воздухе висел смешанный запах: бумага, пластик, слабый аромат кофе из автомата. Но под этой привычной гам-

мой тайлся привкус озона – как после грозы или будто где-то рядом работал неисправный сервер. Тишина тоже была особенной: не мёртвая, а наполненная шёпотом. Скрип половиц под ногами, отдалённый гул лифтов, шелест вентиляции. Иногда – резкий щелчок выключателя, хотя никто не трогал кнопку.

Температура держалась чуть ниже комфортной: кондиционеры работали на износ, но воздух казался густым, пропитанным усталостью ушедших сотрудников. Он словно хранил отголоски их мыслей, недосказанных фраз, невысказанных тревог.

В центре зала стояла стойка диспетчера: три монитора, гарнитура, стопка папок с пометкой «Срочно». За спиной диспетчера – карта Токио, но некоторые районы на ней были закрашены серым: «Закрытые зоны». У дальней стены прижался к стене металлический шкаф с архивами, его дверца носила едва заметную царапину, похожую на след от когтя.

А в холле, у выхода, висело большое зеркало в простой металлической раме. Оно отражало половину этажа, но иногда – только половину лица того, кто в него смотрел.

Офис «Токио Экспресс» в Маруноути тонул в сумраке – лишь редкие лампы над столами разгоняли синеву октябрьского вечера. Жёлтый свет ламп дрожал на полированных поверхностях, создавая иллюзию, будто предметы медленно плаваются. Рэн проверил последнюю накладную, закрыл но-

утбук и уже потянулся за курткой, когда на внутренний телефон пришёл экстренный запрос.

Звонок прозвучал не как обычный сигнал – скорее как тихий металлический стон, будто аппарат сопротивлялся входящему вызову. Рэн вздрогнул, ощутив, как по позвоночнику пробежала ледяная капля.

– Заказ для тебя, – голос диспетчера звучал натянуто, будто сквозь стиснутые зубы. – Бункё-ку, Хонго 3-тё:мэ, 25-8. Срок – до полуночи.

Рэн замер. В груди шевельнулось недоброе предчувствие – липкое, как паутина, цепляющееся за рёбра. Адрес был странным: он никогда не слышал о таком доме в этом районе. В памяти всплыли обрывки старых карт Токио, но ни одна из них не содержала этого сочетания цифр и иероглифов.

«Это место... – вдруг подумал он. – Я видел его раньше. Но где?»

Воспоминание мелькнуло и исчезло, оставив лишь ощущение дежавю.

– Что за груз? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Но в горле уже пересохло, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Диспетчер не ответил. Тишина в трубке стала оглушительной.

Рэн медленно опустил трубку. Предчувствие теперь не

просто цеплялось за рёбра – оно впивалось в них острыми когтями. Бункё-ку, Хонго 3-тё:мэ, 25-8. Адрес звучал как закливание, которого он никогда прежде не слышал.

Он достал из ящика стола потрёпанную карту Токио – ту самую, с пометками от руки, которую хранил ещё со времён первых рейсов. Развернул, провёл пальцем по сетке улиц Бункё-ку. Нет, ни одного похожего дома.

Рэн ещё раз провёл пальцем по карте, будто надеялся, что цифры и иероглифы вдруг сложатся в знакомый узор. Но нет – адрес словно существовал вне этого мира.

Он достал телефон, чтобы проверить геолокацию, но экран мигнул и погас. Батарея была полной ещё пять минут назад. Рэн встряхнул аппарат, нажал кнопку питания – безрезультатно.

«Отлично. Просто отлично», – подумал он, засовывая телефон в карман.

В этот момент за спиной раздался тихий щелчок. Рэн обернулся: дверь в архивную комнату, которую он точно закрыл на ключ, была приоткрыта. Из темноты пробивался тусклый свет – такой же жёлтый и дрожащий, как в его офисе.

Он медленно подошёл к двери. Внутри всё было на своих местах, но что-то изменилось. Рэн пригляделся: на полке с папками появилась одна лишняя – серая, без опознаватель-

ных знаков. На её корешке блестели капли влаги, будто папку только что вытащили из воды.

Не успев осознать, что делает, он потянулся к ней. Пальцы коснулись гладкой поверхности – и тут же отпрянули: папка была ледяной, а под ней обнаружилась записка.

Крошечный листок бумаги с неровными краями. На нём – всего три слова, выведенные чёрными чернилами:

«Не выходи за порог».

Рэн резко обернулся – в дверном проёме никого не было. Но он чувствовал: за ним наблюдают.

Он сунул записку в карман, схватил ключи и куртку. Нужно было ехать. Чем дальше он медлил, тем сильнее становилось ощущение, что офис сжимается вокруг него, как живой организм.

На выходе он невольно взглянул в зеркало. На этот раз отражение не совпало с реальностью: Рэн видел себя стоящим у стола, а не у двери. Его зеркальный двойник медленно поднял руку и указал куда-то в сторону архива.

Рэн рванул на улицу. Холодный октябрьский воздух ударил в лицо, но не принёс облегчения. Он подошёл к мотоциклу, но замер, не успев надеть шлем.

Фонари вдоль тротуара гасли один за другим – не посте-

пенно, а волнами, будто кто-то невидимый шёл следом, стирая свет. В зеркальце заднего вида мелькнуло движение: не человек, не животное – просто сгусток темноты, державшийся на расстоянии.

«Это не погоня, – понял он. – Это сопровождение».

Рэн завёл двигатель. Мотоцикл рванул вперёд, разрывая сумрак. По пути он то и дело оглядывался. Тени вдоль дороги растягивались и сжимались в странном ритме, будто дышали.

Когда он наконец добрался до Бункё-ку, часы на приборной панели показывали 22:17. Но время здесь будто застыло: ни машин, ни прохожих, ни огней в окнах. Только одинокое здание впереди – складское, с обшарпанной вывеской без названия.

Дверь была приоткрыта. Из щели пробивался тот же жёлтый свет – дрожащий, словно пламя свечи на ветру.

Рэн заглушил мотор. Тишина накрыла его, как тяжёлое одеяло. Но в этой тишине он снова услышал гул – низкий, вибрирующий, будто где-то внутри здания билось чужое сердце.

Он сделал шаг к двери. Затем ещё один.

И переступил порог.

Складское помещение пахло пылью, старым деревом и чем-то ещё – сладковатым, почти гнилостным, будто где-то за

ящичками дозревали забытые фрукты. Рэн шагнул внутрь, и его тень, вытянувшись, исчезла в лабиринте полок.

На складском столе лежала она – небольшая, из тёмного дерева, обвязанная синей верёвкой симэнава, как в синтоистских святилищах. Верёвка была не просто синей. при ближайшем рассмотрении она отливала багровым, будто пропиталась кровью. Узлы располагались в странном порядке – три тугих витка, пауза, затем ещё пять, словно кто-то пытался зашифровать послание.

На крышке – выжженные иероглифы: «Не открывать. Не смотреть в глаза». Буквы казались живыми – они чуть подрагивали, если смотреть под определённым углом, будто пытались слиться в другое слово.

Рэн провёл пальцем по надписи. Дерево было холодным, будто хранило в себе зимний воздух. Он невольно вспомнил бабушкины рассказы о духах, запертых в древних шкатулках. «Если откроешь – они выйдут. Если посмотришь – они войдут», – шептала она, покачиваясь у очага.

– И ещё, – диспетчер помедлил, и в тишине Рэн услышал, как тот нервно сглотнул. – Клиент просил передать: «Если она проснётся – беги».

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как свинец. Рэн сглотнул, чувствуя, как в груди нарастает гул – не звук, а скорее вибрация, проникающая в кости.

Рэн медлил. Пальцы, только что коснувшиеся холодной древесины, будто онемели – словно коробка высосала из

них тепло. В голове крутились слова диспетчера: «Если она проснётся – беги». Но куда бежать? И как оставить то, что уже начало пульсировать под его кожей – едва уловимая вибрация, проникающая в кости, вторящая ударам сердца.

Он оглянулся. Склад тонул в полумраке, но теперь Рэн заметил: тени между стеллажами двигались. Не от сквозняка – они перетекали, обрисовывая контуры, слишком похожие на человеческие силуэты. Один из них замер у дальней стены, вытянув руку в безмолвном жесте – то ли предостерегая, то ли указывая путь.

Рэн сглотнул, схватил коробку. Верёвка симэнава обожгла пальцы ледяным прикосновением. Он бросился к выходу, но дверь, ещё минуту назад приоткрытая, теперь была плотно закрыта. На ней – те же иероглифы, что на крышке: «Не открывать. Не смотреть в глаза».

– Чёрт... – прошептал он, дёргая ручку.

В этот момент коробка дрогнула в его руках. Не пульсация – настоящий толчок, будто внутри кто-то ударил в стенку. Рэн отпрянул, и дверь внезапно распахнулась сама, словно её толкнули с той стороны.

На улице его встретил ледяной ветер. Дождь уже лил стеной, превращая асфальт в зеркало, где отражались неоновые огни – но в этих отражениях мелькало что-то лишнее. Силуэты. Они не бежали – они плыли над землёй, следуя за ним.

Рэн вырулил с эстакады на промокший асфальт Бункё-ку.

Ветер хлестал в лицо, дождь забивался под воротник, но он почти не замечал – всё внимание на дорогу, на мелькающие огни, на пульсирующую в ушах тишину, которую не мог заглушить даже рёв мотора.

Коробка лежала в седельной сумке, и каждый раз, когда колесо попадало в выбоину, он чувствовал сквозь кожу седла её глухой толчок – будто кто-то стучал изнутри, отсчитывая ритм его пути. Рэн сжал руль крепче. «Только не сейчас. Только не здесь».

На повороте к Хонго 3-тё:мэ двигатель вдруг захлебнулся. Сначала – лёгкий рывок. Потом – треск, будто внутри что-то лопнуло. Мотоцикл дёрнулся, будто споткнулся на бегу, и заглох. Рэн вырулил к обочине, с трудом удерживая равновесие. Тишина обрушилась резко, оставив в ушах лишь шум дождя и собственное тяжёлое дыхание.

Он слез с седла, откинул капюшон. Вода стекала по лицу, смешиваясь с потом. Открыл кожух – внутри всё было в масляной взвеси, провода искрились, а в сердце мотора зияла трещина, словно кто-то прорубил её топором.

– Чёрт... – он пнул колесо. Бесполезно.

Вокруг – ни души. Только неоновые вывески размывались в дождевой пелене, а между зданиями скользили тени, слишком длинные, чтобы быть просто игрой света. Рэн оглянулся. Ему показалось, или одна из них замерла за углом, наблюдая?

Он достал телефон. Экран моргнул – «Нет сети». Конеч-

но.

«Такси», – подумал он. – «Надо вызвать такси. Но куда? Куда ехать с этой коробкой?»

Он шагнул к краю тротуара, высматривая жёлтый огонёк. В голове крутились слова диспетчера: «Если она проснётся – беги». Но как бежать, если даже мотоцикл – его верный, проверенный годами спутник – предал?

Через пять минут вдалеке наконец мелькнул свет фар. Машина медленно приближалась, её силуэт расплывался в дожде, будто плыл по воде. Рэн поднял руку.

Такси остановилось. Дверца открылась сама, без звука. Внутри – полумрак, только слабый отблеск приборной панели. Водитель не обернулся.

– Куда? – спросил он, и голос прозвучал странно: будто из-под воды.

Рэн помедлил. Коробка в сумке снова толкнула его в бедро.

– В Маруноути. Офис «Токио Экспресс».

Водитель кивнул. Дверца захлопнулась.

Машина тронулась, и Рэн, обернувшись, увидел, как его мотоцикл остаётся позади – тёмный силуэт на мокром асфальте, будто брошенный друг. А за ним, в глубине переулочка, мерцали чьи-то глаза. Или просто капли дождя, отражающие свет?

Рэн опустил коробку на колени, пытаясь унять дрожь. Но даже сквозь шум дождя он слышал:

Тук.

Тук.

Тук.

Как будто кто-то стучался изнутри.

Такси скользило по мокрым улицам. Дождь начался внезапно, превратив огни Токио в дрожащие блики, словно город растворялся в воде. Капли стучали по крыше, отбивая ритм, который сливался с биением сердца Рэна.

Он держал коробку на коленях, стараясь не касаться верёвки. Её узлы казались живыми – будто пульсировали под кожей. Сначала он подумал, что это вибрация от дороги. Но потом понял: коробка двигалась. Едва заметно, словно внутри билось маленькое сердце. Или... что-то билось.

Рэн опустил взгляд – и замер. В отражении лакированной поверхности на мгновение вспыхнул алый зрачок. Он резко отстранился, ударившись локтем о дверцу. Коробка осталась неподвижной, но он знал: это не игра света.

– Что-то не так с навигатором, – пробормотал водитель, хмуро глядя на экран. – Показывает «Хонго 3-тё:мэ, 25-9». Но такого адреса нет.

Экран GPS мигал, перескакивая между цифрами. Рэн посмотрел в окно: деревья вдоль дороги склонялись, будто прожоя их шелестящими ветвями. В их тени ему мерещились силуэты – то ли бродячие кошки, то ли... что-то ещё.

Один из силуэтов двинулся. Рэн прищурился – это была

фигура в длинном плаще, стоящая под фонарём. Когда такси проехало мимо, фигура повернулась. Лицо скрывала тень, но Рэн почувствовал, как её взгляд скользнул по коробке, по его рукам, по глазам.

– Вы видели? – спросил он водителя.

– Кого? – тот даже не обернулся. – Тут никого нет.

Такси резко затормозило. Рэн едва не ударился о переднее сиденье – коробка на коленях дрогнула, и на мгновение ему показалось, что изнутри донёсся тихий скрежет, будто кто-то провёл когтем по дереву.

– Приехали, – пробормотал водитель, не оборачиваясь. Его голос звучал странно: монотонно, без интонаций. – Дальше пешком.

Рэн посмотрел в окно. Они стояли на пустынной улице – ни вывесок, ни фонарей, только мокрые асфальтовые блики, уходящие в туман. GPS на панели мигал, выдавая бессмысленный набор символов: «Хонго 3-тё:мэ, 25-9 → ERROR».

– Но здесь нет... – начал Рэн, но водитель уже открывал дверь.

– Выходите. Дальше пешком, – повторил он, и в этот раз в голосе прозвучала не просьба, а приказ.

Рэн сжал коробку и шагнул на мокрую мостовую. Дверь такси захлопнулась с глухим щелчком, и машина тут же растворилась в дожде, оставив после себя лишь колеблющийся след света.

Он остался один.

Тишина накрыла его, как тяжёлое одеяло. Даже шум дождя казался приглушённым, будто кто-то убавил звук. Рэн огляделся: улица тянулась вдаль, исчезая в сером мареве, а по обеим сторонам стояли дома с тёмными окнами – не то заброшенные, не то намеренно скрытые от глаз.

Коробка в руках вдруг стала тяжелее. Рэн опустил взгляд: верёвка, которой она была перевязана, медленно шевелилась, словно пыталась освободиться. Он хотел было ослабить узлы, но в этот момент изнутри донёсся вздох – тихий, почти человеческий.

Он резко отдёрнул руки.

В тот же миг в тумане вспыхнули два алых огонька – точно такие же, как тот зрачок, что он видел в отражении коробки. Огоньки приближались, формируясь в силуэт: фигура в длинном плаще, шагающая бесшумно, будто плывущая над землёй.

Рэн попятился.

Фигура остановилась в трёх шагах. Под капюшоном – пустота. Не лицо, не маска, а абсолютная тьма, поглощающая свет.

– Ты принёс это не туда, куда думал, – произнёс силуэт. Голос звучал одновременно отовсюду – из тумана, из-под земли, из самой коробки. – Но пути назад уже нет.

Рэн хотел ответить, но язык не слушался. Он лишь крепче сжал коробку, чувствуя, как сквозь пальцы просачивается

холодный, пульсирующий ток.

Фигура медленно подняла руку – не человеческую, а длинную, суставчатую, словно составленную из теней.

– Иди, – прошептала она. – Город ждёт.

Туман сгустился, скрывая фигуру. Когда он рассеялся, на улице не было никого – только мокрый асфальт, дождь и дорога, уходящая в неизвестность.

Рэн сделал шаг вперёд. Коробка в его руках вздрогнула в последний раз – и затихла.

Рэн шёл по улице, засунув руки в карманы, и думал о том, что Токио никогда не выглядит так, как на туристических открытках.

Да, здесь были неоновые вывески – но не яркие, как в старых фильмах, а приглушённые, словно выцветшие. Они мерцали сквозь пелену октябрьского тумана, превращаясь в размытые пятна света. Где-то вдали пульсировал логотип «Sony», но даже он казался усталым, будто давно забыл, зачем светится.

Здания – не небоскрёбы, а скорее вертикальные лабиринты. Стекло и бетон, но не блестящие, а покрытые тонким слоем городской пыли. На фасадах – цифровые баннеры, но не с рекламой, а с бесконечными потоками данных: курсы валют, прогнозы погоды, уведомления о задержках поездов. Иногда среди них мелькало что-то странное – иероглифы, которые нельзя прочесть, или изображения, похожие на сны.

Он свернул на боковую улицу. Здесь было тише, но не спо-

койнее. Вдоль тротуара тянулись автоматизированные лавки – без продавцов, без вывесок, только светящиеся панели с ценами. Одна из них вдруг включилась, когда он проходил мимо, и на экране вспыхнуло: «Вам не стоит идти туда». Рэн остановился, обернулся – экран уже показывал обычный список товаров.

Люди вокруг двигались слишком ровно. Не спеша, не толкаясь, словно выполняли запрограммированный маршрут. Кто-то говорил по телефону, но без эмоций – только короткие фразы, будто отчитывался. Кто-то смотрел в голографический дисплей, но взгляд был пустым, будто человек не видел картинку, а просто ждал, когда она исчезнет.

На перекрёстке он заметил странный киоск – старый, деревянный, явно не из этого века. Рядом с ним стоял мужчина в потрёпанном костюме и наливал чай из чугунного чайника. Пахло жареным рисом и травами – запах, который Рэн не встречал уже лет десять. Он хотел подойти, но мужчина резко поднял голову, и Рэн увидел, что у него нет глаз – только гладкие, матовые впадины. Он отступил, и киоск растворился в тумане, будто его и не было.

Звуки города тоже были неправильными. Гул машин – слишком монотонный, без перепадов. Голоса – приглушённые, будто кто-то убавил громкость. Иногда сквозь этот фон пробивался странный шелест, похожий на шёпот, но разобрать слова не получалось.

Рэн достал телефон. Экран мигнул: «Сеть недоступна».

Он поднял голову. Над городом висели облака, но они двигались не так, как должны – слишком плавно, слишком синхронно. Казалось, будто небо – это огромный экран, и кто-то меняет картинку.

Он ускорил шаг. Токио был его домом, но иногда – как сегодня – город казался чужим, будто притворялся, что всё в порядке, но за этой маской скрывалось что-то, чего нельзя понять.

Что-то, что следит.

Рэн свернул в переулок, где неоновые огни почти не пробивались сквозь туман. Здесь пахло сыростью и старым металлом – будто город скрывал под этой улицей заброшенные катакомбы. Он достал телефон, чтобы вызвать такси до «Токио Экспресс», но экран вновь моргнул: «Сеть недоступна».

Он нахмурился, огляделся. Вдоль стены тянулись автоматические вендинговые автоматы – беззвучные, с потухшими дисплеями. Рэн шагнул к одному, чтобы свериться с картой на корпусе, но в тот же миг экран вспыхнул сам. Не схема района, не реклама – только строка иероглифов, бегущая сверху вниз:

«Не зови машину. Она не привезёт тебя туда».

Рэн отступил. Автомат погас. В тишине раздался тихий щелчок – будто кто-то переключил невидимый тумблер.

Из тумана выплыла тень. Сначала он подумал – проходной, но фигура двигалась слишком плавно, без шагов, будто

скользила над асфальтом. Чёрный силуэт в длинном плаще, лицо скрыто под капюшоном. В руке – предмет, напоминающий старомодный таксометр: циферблат мерцал бледно-зелёным, а стрелка бешено вращалась.

– Вам нужно такси? – голос звучал одновременно близко и издалека, словно доносился из-под воды.

Рэн сглотнул.

– Да. До «Токио Экспресс».

Фигура подняла руку. В ту же секунду из тумана вынырнуло такси – чёрное, без опознавательных знаков, с затемнёнными окнами. Дверца распахнулась сама, будто приглашая.

– Садитесь, – прошептал человек с таксометром. – Но помните: дорога ведёт не туда, куда вы просите.

Рэн колебался. В окне машины мелькнул алый блик – то ли отражение фонаря, то ли что-то внутри салона. Он вспомнил коробку в рюкзаке, её едва уловимую пульсацию, и шагнул вперёд.

Как только он опустился на заднее сиденье, дверца захлопнулась с глухим стуком. Водитель – бледный, с глазами, похожими на матовые линзы, – молча включил зажигание. Навигатор на панели мигнул, выдавая бессмысленные координаты: «Хонго 3-тё:мэ, 25-9...».

Машина тронулась. За окном туман сгустился, превращая город в размытую акварель. Рэн обернулся – фигура с таксометром уже исчезла, но на асфальте остался след: круглый

отпечаток, похожий на циферблат.

Такси внезапно замедлило ход, будто наткнулось на невидимую преграду. Рэн поднял взгляд от коробки – за окном уже не было улиц. Только седая пелена, сквозь которую проступали размытые очертания деревьев, словно город растворился в молоке.

– Что происходит? – спросил он, но водитель молчал, уставившись в экран навигатора. Тот мигал, выдавая бессмысленные комбинации: «Хонго 3-тё:мэ, 25-9... 25-10... 25-∞».

Коробка на коленях дрогнула сильнее. Рэн сжал пальцы, пытаясь удержать её, но верёвка симэнава вдруг стала скользкой, будто покрылась инеем. В отражении лакированной поверхности снова мелькнул алый зрачок – на этот раз дольше, почти ощутимо. Рэн резко отстранился, ударившись плечом о стекло.

– Вы точно знаете, куда едете? – его голос прозвучал громче, чем он хотел.

Водитель наконец обернулся. Лицо его было бледным, почти прозрачным в свете приборной панели.

– Дорога сама выбирает, – прошептал он, и в этом голосе не было ничего человеческого. – Иногда она ведёт. Иногда – уводит.

Рэн рванул ручку двери, но та не поддавалась. Он посмотрел в окно: туман сгушался, превращаясь в стены, в коридоры, в

бесконечные перекрёстки. Где-то вдали, будто сквозь толщу воды, доносился звон – не то колокольчиков, не то биения сердца.

А потом такси резко остановилось. Двигатель заглох, фары погасли. Водитель исчез – только пустая куртка висела на сиденье, будто её сбросил кто-то, растворившийся в воздухе.

Рэн толкнул дверь. Она открылась с тихим скрипом.

Он вышел под дождь – но это уже был другой дождь. Капли падали без звука, а их следы на асфальте светились, как фосфорные нити. Вдалеке, сквозь пелену, проступали очертания города – но не того, который он знал. Неоновые вывески здесь были не выцветшими, а слишком яркими, будто пытались ослепить. Здания не тянулись вверх, а извивались, как живые.

Рэн опустил взгляд на коробку. Узлы верёвки пульсировали, складываясь в узоры – то ли иероглифы, то ли вены, по которым текла чужая кровь. Он понял: такси не просто сбилось с пути. Оно доставило его туда, где реальность трескалась по швам.

Он зашагал вперёд, засунув руки в карманы. Дождь стекал по лицу, смешиваясь с потом. Где-то внутри, за рёбрами, билось что-то чужое – ритм, совпадающий с пульсацией коробки.

Токио никогда не выглядел так, как на туристических открытках. Но сегодня он выглядел совсем иначе.

Рэн шёл, а город менялся. Не резко – исподволь, как меняется лицо во сне, когда уже не понять, где кончается знакомый облик и начинается чужая маска.

Туман, что раньше лишь стелился клочьями у тротуаров, теперь поднимался выше – до колен, до пояса, обволакивая фонари молочно-белыми коконами. Неоновые вывески погасли одна за другой, будто их кто-то выключал изнутри. Только редкие световые пятна пробивались сквозь пелену – не цвета, а скорее отблески цветов, как на старой, выцветшей плёнке.

Он свернул в переулок – и вдруг понял, что не узнаёт места. Дома стояли те же, но... неправильно. Окна, которые должны были быть слева, оказались справа. Дверь, вчера ещё запертая, теперь приоткрыта, и из щели сочился свет – не электрический, а тёплый, как от керосиновой лампы. Рэн замедлил шаг. Ему показалось, или в глубине проёма мелькнул силуэт?

Телефон в кармане молчал. Экран не реагировал на нажатия – ни сети, ни даже тусклого свечения индикатора. Рэн сунул руку глубже, нащупывая ключи, и пальцы наткнулись на что-то холодное. Коробка. Она лежала там с самого утра, но сейчас... будто подросла. Он вытащил её – и вздрогнул: дерево было влажным, будто покрылось испариной. На поверхности проступили тонкие линии – не резьба, а скорее вены, пульсирующие в ритме, который он не мог уловить, но чувствовал костями.

– Это здесь, – прошептал он, сам не зная, кому это говорит.

Ветер усилился. Он не гнал туман – он лепил его, формируя фигуры. Тени вытягивались, сливались, обретали очертания: то ли люди, то ли деревья, то ли нечто, не имеющее названия. Одна из них шагнула вперёд – слишком плавно, чтобы быть реальной. Рэн отступил. В голове зазвучал голос, не его голос: «Она уже знает твой путь».

Он повернулся и побежал – не быстро, а как во сне, когда ноги будто вязнут в воздухе. Улица тянулась бесконечно, дома расплывались, а туман смыкался за спиной, отрезая путь назад. Где-то вдали – едва различимый звон бамбуковых палочек. Фурин. Значит, рядом сад. Значит, где-то есть дверь.

Когда он наконец увидел ограду – высокую, из потемневшего бамбука, – ноги подкашивались. Ворота были приоткрыты. За ними – тропа, уводящая в сумрак. Рэн шагнул вперёд, и воздух тут же сгустился, став тяжёлым от запаха плесени, старых книг и чего-то ещё – сладкого, как разлагающиеся цветы.

Дом стоял в глубине сада, скрытый за бамбуковой оградой. Свет не горел ни в одном окне, но дверь была приоткрыта – ровно настолько, чтобы пропустить человека. Рэн шагнул внутрь.

Воздух тут же сгустился, став тяжёлым от запаха плесени, старых книг и чего-то ещё – сладкого, как разлагающиеся-

ся цветы. В тот же миг дверь за его спиной захлопнулась с глухим стуком, отрезав путь назад.

На пороге возникла старуха в выцветшем кимоно. Её лицо скрывала тень, но Рэн почувствовал, как её взгляд скользнул по коробке, по его рукам, по глазам. Он попытался разглядеть её черты, но они расплывались, как отражение в мутной воде.

– Ты уже её почувствовал, – прошептала она, принимая груз. Голос звучал, как шелест сухих листьев, будто слова рождались где-то глубоко в груди. – Теперь она за тобой. Красные нити не разорвать.

Рэн хотел спросить, что это значит, но старуха уже исчезла в темноте прихожей, унося с собой коробку. Он сделал шаг вслед за ней, но замер: из глубин дома донёсся тихий звон симэнавы – будто кто-то встряхнул священные соломенные верёвки. Звук прокатился по коридорам, заставляя стены дрожать, а тени – шевелиться.

Он огляделся. Прихожая оказалась гораздо просторнее, чем казалось снаружи. Вдоль стен тянулись деревянные шкафы с резными дверцами, но вместо ручек – лишь углубления, напоминающие глазницы. В воздухе висели клочья тумана, в которых проступали размытые силуэты: то ли фигуры людей, то ли призрачные животные.

Рэн двинулся вперёд. Пол под ногами прогибался, будто был сделан из живого дерева, пульсирующего в такт его шагам. На стенах появились алые пятна, расплзающиеся, как

кровь по бумаге. Они складывались в узоры – нити, повторяющие те, что уже проступили на его запястьях.

Из темноты раздался смех – тихий, детский, но от него мороз шёл по коже. Рэн обернулся: в конце коридора стояла та самая кукла, что он видел в витрине. Она улыбалась, но теперь её лицо было ближе, и он разглядел: глаза у неё были – два алых зрачка, точно такие же, как мелькнувшие в отражении коробки.

– Ты уже наш, – прошелестел голос, но Рэн не понял, принадлежит ли он кукле, старухе или самому дому.

Он хотел бежать, но ноги приросли к полу. Нити на запястьях натянулись, будто кто-то дёргал их из темноты. Боль вспыхнула в висках, и в этот миг он увидел: в глубине дома, за рядами шкафов, мерцал тусклый свет. Там, в самом сердце особняка, что-то ожидало его.

Дверь в дальнем конце коридора медленно открылась сама. За ней – только тьма и звон симэнавы, звучащий всё громче, всё настойчивее.

Он достал телефон. Ни звонков, ни сообщений. Экран светился бессмысленно, отражая лишь тусклый свет старинных ламп особняка. В этом замкнутом пространстве даже цифровой мир казался призрачным, ненастоящим.

В кармане что-то хрустнуло. Рэн вытащил клочок бумаги – тонкий, как рисовая обёртка. На нём дрожащим почерком было выведено:

«168 часов. Потом – встреча с тишиной».

Он сжал записку в кулаке. За высоким стрельчатым окном мерцали редкие огни Токио, но они выглядели чужеродно – будто проецировались на стекло извне, не имея отношения к этому дому. Они пульсировали в такт биению сердца, складываясь в непонятные узоры.

Где-то в глубине особняка тихо звякнула симэнава. Звук прокатился по коридорам, отражаясь от старых стен, и пробрал его до костей. Рэн невольно втянул голову в плечи – казалось, звон шёл не из одного места, а отовсюду сразу.

Он опустил взгляд на свои руки. На запястьях, едва заметные в полумраке, проступили алые линии – тонкие, как нити, но уже ощутимые, будто кто-то нанёс их невидимой кистью. Они слегка пульсировали, отзываясь на каждый удар сердца.

Телефон снова завибрировал. На экране – новое сообщение:

«Ты уже наш».

Рэн выключил телефон. В отражении старинного зеркала в резной раме он увидел её – алую куклу, сидящую на деревянной скамье у дальней стены. Она улыбалась, и в этом отражении её глаза казались двумя алыми углями, горящими в полутьме.

Тишина особняка стала осязаемой – она давила на уши, заглушая даже собственное дыхание. Рэн медленно повернулся, чтобы взглянуть на куклу напрямую, но там, у скамьи, уже никого не было. Только тень скользнула в боковой коридор.

дор, оставив после себя едва уловимый запах жжёного сахара и старых книг.

Глава 2. Красные нити

(21–22 октября)

Рэн отвёл взгляд от куклы в зеркале – и тут же понял, что свет в особняке погас. Не постепенно, а резко, будто кто-то выдернул шнур из розетки. Редкие огни Токио, пробивавшиеся сквозь высокие окна, тоже исчезли, оставив лишь сероватую пелену, в которой плавали редкие блики – словно пыль в луче проектора.

Он потянулся к ручке резной двери – та не поддавалась. Тишина накрыла его, как влажная ткань: ни шороха старинных часов, ни скрипа половиц, ни даже собственного дыхания. Только тихое тиканье, доносящееся откуда-то из-под пола.

Рэн опустил глаза.

На паркете у его ног лежала та самая записка – «168 часов. Потом – встреча с тишиной». Но теперь на бумаге проступали новые строки, написанные будто кровью:

«Время течёт сквозь тебя. Узлы крепнут. Не пытайся развязать – они уже вплетены в плоть».

Он рванул записку, но та рассыпалась в пальцах, оставив на коже алые разводы – не чернила, а что-то горячее, живое. Боль от запястий поднялась выше, к локтям, и он с ужасом увидел, как алые нити начинают пульсировать ярче, словно вены, наполненные расплавленным стеклом.

– Ты уже наш, – прошептал голос. Не из угла, не из коридора – изнутри его головы.

В зеркале в резной раме снова мелькнуло алое пятно: кукла теперь сидела на старинном диване в глубине зала, совсем близко. Её улыбка стала шире – слишком широкой для человеческого лица. Она протянула руку, и Рэн почувствовал, как что-то дёргает нити на его запястьях, будто настраивая невидимые струны.

Особняк вдруг содрогнулся – без ветра, без видимой причины. За окнами поплыли размытые силуэты, но это были не улицы Токио. Скорее лабиринт из теней, где стены складывались в лица, а окна мерцали, как глаза. Сквозь древесину панелей пробивались алые нити, сплетаясь в узоры, повторяющие те, что украшали его руки.

– 168 часов, – повторил голос, теперь уже хором, будто десятки шепчущих ртов. – Потом – встреча.

Пол под ногами дрогнул. Дверь в дальнем конце зала распахнулась сама. Рэн побрёл к ней, чувствуя, как нити на запястьях тянут его вперёд, будто поводья. В голове стучало: «Ты уже наш».

Переступив порог, он рухнул в темноту. Последнее, что он услышал, был тихий звон симэнавы – будто кто-то захлопнул дверь в другой мир.

Рэн проснулся от жжения на запястье. В полумраке комнаты он разглядел алые пятна – не просто отметины, а уз-

лы, будто кто-то вплёл в кожу тонкие нити. Они не были поверхностными: казалось, нити прорастали изнутри, пульсируя под кожей, словно крохотные вены, наполненные расплавленным металлом.

Он провёл по ним пальцами – они не стирались, не шелушились. При надавливании боль усиливалась, отдаваясь эхом в висках. Рэн поднялся, шатаясь, и направился в ванную.

Особняк старухи производил странное впечатление: с первого взгляда он казался образцом современной японской архитектуры – лаконичный, безупречный, продуманный до мелочей. Гладкие бетонные поверхности, панорамные окна от пола до потолка, минималистичная мебель в нейтральных тонах. Но стоило провести в нём хотя бы несколько минут, как начинали проявляться тревожные детали – будто дом неспешно снимал маску, обнажая свою истинную суть.

Когда Рэн переступил порог, его сразу окутала непривычная тишина. Не та тишина пустого дома, а плотная, почти осязаемая – словно воздух здесь был гуще, поглощал звуки, не давал им распространяться. Даже шаги по полированному бетонному полу звучали приглушённо, будто кто-то накрыл весь мир толстым слоем ваты.

Холл встретил его холодным светом встроенных светодиодов. Всё выглядело безупречно: строгие линии, чистые по-

верхности, ни пылинки, ни лишнего предмета. Но зеркала... Зеркала были неправильными. В их глубине таилось что-то неуловимое – отражения слегка расходились с реальностью. Порой в углу зрения мелькало движение, но стоило повернуться – ничего. Только собственное отражение, чуть искажённое, будто смотрящее из-под воды.

Из холла расходились коридоры, ведущие в разные части дома. Гостиная с панорамными окнами, выходящими в сад, выглядела умиротворяюще – пока Рэн не пригляделся. За стеклом не было деревьев, только бесконечный туман, клубящийся, словно живой. Диван и кресла манили своей мягкостью, но если провести рукой по ткани, становилось не по себе: она слегка пульсировала под пальцами, будто дышащая кожа.

Кухня поражала стерильной чистотой. Современная техника, идеально выстроенные шкафы, ни одной лишней детали. Но иногда в раковине появлялась алая пена, а из вентиляционных решёток доносился шёпот – не слова, а обрывки фраз на незнакомом языке, будто кто-то разговаривал за стеной, но не мог пробиться сквозь толщу камня.

Столовая с чёрным деревянным столом и стульями, чьи спинки напоминали скелеты птиц, внушала тревогу. Над столом висела хрустальная люстра. Её капли время от времени меняли форму, складываясь в непонятные иероглифы, которые тут же растворялись, оставляя после себя лишь смутное ощущение угрозы.

Спальня с высоким изголовьем кровати и стенами из матового стекла казалась безопасной – до ночи. Тогда на стеклянных поверхностях проступали тени рук, будто кто-то пытался выбраться изнутри, царапая невидимые барьеры.

Ванная комната с белоснежной плиткой и душевой кабиной сначала вызывала ощущение чистоты и порядка. Но если долго смотреть на струи воды, можно было разглядеть лица, проплывающие в потоках. Зеркало над раковиной никогда не отражало левую сторону – там всегда оставалось размытое пятно, будто часть реальности была стёрта.

Гардеробная с аккуратно расставленной одеждой производила странное впечатление. Все вещи были одного размера и фасона, словно принадлежали не человеку, а манекенам. В глубине комнаты стоял старинный шкаф с дверцами из рисовой бумаги. Из-за них иногда слышался тихий звон симэнавы – будто кто-то встряхивал священную соломенную верёвку, напоминая о чём-то забытом, но важном.

Но самые пугающие открытия ждали того, кто решался исследовать дом глубже.

Некоторые двери вели в тупики или повторяющиеся комнаты. Если оглянуться, уходя по коридору, можно было заметить, что расстояние до входа изменилось – он стал дальше или ближе без всякой причины.

Окна никогда не показывали небо. Только серый туман или странные созвездия, не похожие на реальные. Иногда на стекле появлялись алые нити, сплетающиеся в узоры, повто-

ряющие те, что проступали на коже Рэна.

По ночам из стен доносилось пение, похожее на буддийские мантры, но слова никогда не повторялись. А где-то в глубине дома раздавалось тиканье – хотя часов в особняке не было.

На полках стояли керамические куклы с закрытыми глазами. Если отвернуться и посмотреть снова, их позы менялись – едва заметно, но достаточно, чтобы понять: они следят.

В ящиках стола время от времени появлялись старые записки с одним и тем же текстом: «168 часов. Потом – встреча с тишиной». Они возникали сами по себе, будто дом пытался что-то сообщить.

А в самом сердце особняка существовала комната без дверей. Попасть туда можно было лишь случайно – свернув не в тот коридор или поднявшись по лестнице, которой раньше не было. Внутри находился старинный алтарь с чашей, наполненной жидкостью, похожей на кровь. Стены были покрыты иероглифами, меняющимися при взгляде – то складывающимися в молитвы, то в проклятия.

Рэн бродил по особняку, пытаясь собраться с мыслями. Каждый шаг отдавался в голове глухим эхом, будто дом впитывал звуки, а потом возвращал их искажёнными. Он остановился у одного из зеркал в холле – гладкого, почти безрамного, вмонтированного в стену так, что его границы сливались с бетоном.

В отражении он увидел себя: бледное лицо, тени под глазами, а на запястьях – те самые алые нити, теперь уже отчётливо пульсирующие. Он поднял руку, чтобы рассмотреть их ближе, и в этот момент зеркало дрогнуло. Не буквально – поверхность осталась неподвижной, но что-то в глубине изменилось. Отражение чуть отстало от его движений, словно запаздывая на долю секунды.

Рэн отступил. В груди нарастала тревога, но он не мог отвести взгляд. Зеркало будто притягивало его, заставляя всматриваться всё пристальнее.

Зеркало отразило его бледное лицо... и нечто за спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.